

Меня зовут Гэсэр

Byir Byira

Меня зовут Гэсэр 3

«Автор»
2026

Byira B.

Меня зовут Гэсэр 3 / B. Byira — «Автор», 2026 — (Меня зовут Гэсэр)

Девана возвращается на родную землю вместе со своим мужем Хабата Гэрэлом. Там её ждут суровый отец Перун, новые испытания, тайны древних рубежей, новая-старая любовь и беспощадная война против собственного народа.

© Byira B., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Тень над Окой 5
Глава 2. Сигнал Трёхглавого 7
Глава 3. Жёлтый проводник 9
Глава 4. Запах дыма и вереска 11
Глава 5. «Я не буду ждать третьей встречи» 13
Глава 6. Тайна тридцати восьми жен 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Byir Byira
Меня зовут Гэсэр 3

Глава 1: Тень над Окой

Ночь над Окой пахла тяжёлой гарью. Дым тянулся с запада, стелился над чёрной водой и забивался в глотку даже сквозь резкий дух можжевельника.

На высоком обрыве, где река заворачивала крутой петлёй, горели семь костров. Каждый в своей каменной чаше, за дубовым тыном. Внутри круга — только старики и бабы. Мужиков выбили.

За две луны лесные тропы на западе вытоптали чужие. Девять из десяти воинов легли под тяжёлыми щитами и длинными копьями. Пришельцы шли напролом. Срубили священные рощи под пень, втыкали на пепелищах свои грубые тёсаные столбы. Имя их бога гремело над пожарищами, резкое как удар топора. Перун.

— Третий костёр садится, — сказала Кайя.

При каждом шаге на её груди и в тяжёлых косах звякали серебряные подвески. Раньше этот звон отгонял лесную нечисть от баб и детей. Сегодня от него было мало проку: с запада третий день катился глухой, ровный гул. Там валили лес под просеки.

— Бересты подкинь и вереска, — буркнул старый жрец Илмар. Он не смотрел на огонь, щурился в темноту за рекой. — Пусть дым выше сосен уйдёт. Не для западных - эти нас и так найдут. Для Того, кто сверху.

Кайя присела у третьей чаши, подбросила в угли сухую кору и глянула вдоль тына. Вдоль брёвен на корточках сидели женщины. Никто не голосил, не рвал на себе платки — слёзы выплакали ещё неделю назад, когда с западных гарей приполз последний израненный разведчик и умер. Теперь бабы молча правили оселками лезвия топоров, натирали жиром тетивы, чтобы не отсырели от речного тумана, и укладывали у ног связки стрел.

На поясе у самой Кайи висел короткий боевой топор, за спиной — костяной лук. Когда побили мужей и братьев, бабье серебро пришлось смешать с железом. Рядом с ней у огней стояли десятки других женщин — сухие, злые, с обветренными скулами. Те, кому либо сгнить здесь в золе, либо унести кровь племени дальше на восток.

— Детей в дальнем овраге укрыли? — тихо спросила Кайя, не оборачиваясь к подошедшей Айни.

— Укрыли, — кивнула младшая. - Старая Вайга с ними осталась и двое хромых дедов. Вход валежником завалили, костров не жгут. Только надолго ли? Если чужие псов пустят по следу — найдут к утру.

Айни помолчала, глядя на чёрную воду внизу под обрывом.

— Услышит? — спросила она ещё тише. — Семь богов молчат. Река молчит. Птица вся ещё до рассвета ушла.

— Семь богов стары, — отрезал Илмар. Он поднял над головой деревянную чашу с отваром. — А этот глаз не смыкает. Мир-суснэ-хум.

Жрец выплеснул отвар в средний костёр. Огонь рванулся вверх, выхватил из темноты серебряные обручи на лбах женщин и тёмный деревянный столб в центре круга. Искры взметнулись в небо и на миг сбились в кривой силуэт всадника.

— Меча не просим, — голос у Илмара сел, заскрипел как несмазанная телега. — Мечей не осталось, а западное железо нам не по руке. Пощады у Громовержца тоже просить не станем

— глухой он. Ты все тропы видишь. Если берегу гореть — дай мост. Дай тех, кто заберёт наших баб и нашу память, чтобы не сгинуть в темноте без следа.

Ветер с реки крутанул и ударил в спину — с востока, из степей. Запахло сухой полынью и морозом.

Все семь костров разом пригнуло к западу, будто над обрывом махнули чем-то огромным, заслонив реку от темноты.

Кайя задрала голову. В чёрных тучах над восточным лесом мигнули и раскрылись три неровных багровых пятна — словно три пары огромных глаза уставились на берег.

— Идёт, — выдохнула она. Подвески на груди задрожали и зазвенели сами, без ветра, от низкого гула, который пошёл прямо из-под земли. — Змей ответил.

— Не добро это — заскрипел Илмар

— Наши сестры живут с ним - не тужат.

— И это не добро. Забирает наших девок, а мы и рады.

— Тебе ли старый судить о женском счастье?

— Но ведь их 38 на одного мужика. Какой мужик, Змей трехглавый! И еще этот черт рогатый рядом с ним.

— Он только когда обозлится становится Змеем трехглавым, а так нормальный мужик. Ласковый. Ни одна его жена не пожаловалась.

— Ага. А дети у них с рожками.

— А хоть и с копытами, лишь бы хороший был и защищал

— С копытами что-ли? Не заметил.

— Нет копыт. Это я к слову.

А за спиной, за чёрной стеной дубов, сухо и зло треснул первый гром. Перун поднимал дружины на последний переход к реке.

Глава 2. Сигнал Трёхглавого

В восточных степях, там, где высокий ковыль уступал место первым чахлым соснам лесного пограничья, стойбище пахло конским потом, дублёной кожей и горьким дымом кизяка.

В главной войлочной юрте шаман Боолуур сидел у низкого очага и перебирал старые бараньи лопатки. Кости потемнели от копоти и пошли мелкими трещинами. Сегодня он не гадал, просто грел кривые пальцы над углями и слушал, как ветер тянет с запада чужой гарью. Войлочный полог откинулся без звука. Внутрь шагнул Шарагольский Хан. Он совсем не походил на рычащее чудовище из западных баек. Высокий, сухой, уже в годах, он носил простой тёмный халат без единой серебряной бляхи или родового узора. Лишь когда отсвет огня падал на лицо под углом, в янтарных глазах проворачивались узкие вертикальные зрачки, а у самого ворота, под седой щетиной, кожа на шее отливала мелкой тёмной чешуёй.

— Угры не удержат берег, — сказал Боолуур, не поднимая головы. Двадцать разных шкур, сшитых в его доху, зашуршали, а мелкие железные колокольчики на груди глухо звякнули. — Дружины Перуна рубят гати через глухой лес. Три дня, от силы четыре — и они выйдут к обрыву.

Хан опустился на кошму напротив углей. Взял глиняную пиалу с холодным кумысом, покрутил в длинных, покрытых шрамами пальцах.

— Я видел их огни с высоты, — ответил Хан. Голос у него был с двойным дном: под хрипловатым человеческим баритоном шёл низкий, вибрирующий гул, от которого по перебродившему молоку в пиале бежала мелкая рябь.

— Семь кострищ на высокой излучине. Старик Ильмар жёг можжевельник и вереск. Звал Смотрящего.

— Мир-суснэ-хум дал им слово, — напомнил шаман. — И мы дали слово. Если Перун перейдёт Оку, следующим будет наш рубеж. Ему больше не нужны ни скот, ни дань, Хан. Ему нужно, чтобы весь лес молился одному грому.

Хан поставил пиалу на место и глянул на входной полог, за которым чернела ночная степь. Вокруг стойбища стояло с десяток срубных изб и юрт поменьше, где спали тридцать восемь угорских женщин — тех, кого он успел вытащить до того, как запылали западные рощи. Тихие, упрямые бабы с серебряными монетами в косах. Они не тратили слёз на сгоревшие избы; по ночам при сальных плошках они точили охотничьи ножи и вощили тетивы.

— В одиночку я всю западную рать не остановлю, — ровно сказал Хан. — Даже если сброшу эту шкуру и подниму все три головы. Перун ждёт дракона. Он уже отковал под мою чешую тяжёлые железные рогатины и велел волхвам заговорить клинки. Лететь туда одному — не храбрость, а просьба повесить мою шкуру на частокол.

Боолуур прищурился на него сквозь дым.

— А жёны твои? У половины из них сёстры да матери всё ещё на том обрыве заперты.

— Не напоминай, — буркнул Хан, потирая скулу. — Не вытащу их родню — до следующего века житья не дадут. Армии обмирают со страху, когда я рычу, Боолуур, но против тридцати восьми разъярённых баб у трёхглавого змея шансов нет.

Старый шаман издал сухой, дребезжащий смешок, перешедший в кашель. Снаружи, у тележных колёс, стайка малышей с крошечными, покрытыми бархатным пушком рожками, торчащими из тёмных кудрей, всё ещё не спала — тихо гоняла в темноте полуслепого лагерного пса.

— Тогда хватит киснуть над кумысом, зови верхних, — сказал Боолуур, постучав по костлявому колену. — Гэсэр со своими там на серебряном камне в новый сад играются, думают, земля сама собой успокоится, если подольше не смотреть вниз.

— Гэсэр не сдвинется, — ответил Хан, и в его усмешке на миг мелькнул острый, нечеловеческий клык. — Он слишком занят своей лунной колонией. Нам не нужен Гэсэр. Достучись до Хурмасты. Здесь только твоя голова ещё ловит его волну.

Боолуур крякнул, сунул руку в засаленный кожаный мешочек на поясе. Достал щепоть сушёного горного чабреца и осколок бледной смолы, бросил всё это на красные угли. Вверх потянулся густой, едкий дым, пахнущий высокими скалами и грозой.

— Ненавидит Хурмаста, когда его обратно в земную грязь тянут, — проворчал шаман, скрестив ноги и уперев ладони в колени. — В прошлый раз, когда я к нему постучался, он целый час жаловался на космические помехи и небесную волокиту.

— Скажи ему, что пограничное перемирие сдохло, — янтарные глаза Хана сузились в вертикальные щели. — Скажи, что Перун идёт с тяжёлым железом, чтобы вырезать окские роды до первого снега. И пусть пришлёт вниз молодого Хабату — и Девану, если она всё ещё там.

Боолуур замер, приподняв одну косматую бровь.

— Девану? Родную дочь Перуна? Думаешь, она пойдёт против отца?

— Мне не нужно, чтобы она с ним воевала, — тихо сказал Хан. — Я просто хочу, чтобы она спустилась и вблизи поглядела, как выглядит отцовский порядок. Дальше она сама всё поймёт.

Шаман один раз кивнул и закрыл глаза. Не было ни диких судорог, ни пены у рта, ни театрального воя в дым. Боолуур просто застыл, как резной деревянный идол, а дыхание его замедлилось так, что железные колокольчики на груди совсем перестали звенеть. В тишине юрты воздух потяжелел, наэлектризовался, как за секунду до сухой летней грозы. Через чёрную пустоту между степью и верхними сферами мысль Боолуура выбросила тонкую, привычную нить — мимо облаков, мимо холодной орбиты Луны, прямо к высоким бронзовым чертогам, где Хурмаста нёс стражу у восточных ворот. Это было похоже на крик против штормового ветра и стук в тяжёлую железную дверь. Долгий миг в ответ тянулась только ледяная тишина. Потом вдалеке что-то громадное сдвинулось с места. Сквозь череп старика ударил резкий металлический гул — сухой и раздражённый, словно у командира, которого разбудили между сменами. Боолуур не стал тратить слова. Он толкнул по связи сами образы: горящие рощи к западу от Оки, семь костров на обрыве, груды павших воинов и длинные колонны тяжёлых копейщиков Перуна, прорубающих дороги сквозь тёмный лес. Металлический гул пульсировал дважды — короткое подтверждение — и оборвался.

Боолуур моргнул, тряхнул головой, будто вытряхивая воду из ушей, и тут же потянулся за ханской пиалой с кумысом, сделав большой глоток, пока дракон не успел перехватить.

— Ну? — спросил Хан.

— Услышал, — прохрипел Боолуур, вытирая рот рукавом. — И не сказать чтобы обрадовался. Знаю я Небесных Владык: пол-ночи будут спорить, кому за руль корабля садиться.

— Пусть спорят, — сказал Хан, плавно поднимаясь на ноги и шагая к пологу юрты, чтобы взглянуть в темноту на запад. — Лишь бы успели раньше, чем топоры Перуна дойдут до реки.

Глава 3. Жёлтый проводник

Корабль совсем не походил на бронзовые колесницы или железные ладьи. Выныривая из высоких облаков, он напоминал огромную полупрозрачную медузу размером с войлочную юрту, вдоль борта которой плавно скользил длинный желтотелый змей.

Ви-ви-ща-а был пришельцем из дальнего космоса, предпочитавшим воду сухому воздуху, и каждый спуск с Луны он направлял словно ныряльщик, высматривающий самый глубокий омут. Он целился прямо в самую тёмную воду, какую только мог отыскать у пограничья — в бездонное лесное озеро, запрятанное на краю Мещёрских лесов, там, где густые дубравы сходились с восточными степями.

Внутри кабина была тёплой и чуть влажной. Гладкие стены слабо светились, словно миллионы крошечных медуз спрессовали в единую дышащую кожу. Когда Хабата перенёс вес с ноги на ногу, его сапоги по щиколотку увязли в мягком полу, но тут же живая материя уплотнилась под подошвами, вытолкнула его обратно и вылепила углубление под спину. Хабата ткнул пальцем в ближайшую стену. По поверхности разошлась рябь бледно-голубого и янтарного света.

— Всё равно жутко, — пробормотал Хабата, вытирая руку о штаны. — Полгода мотаюсь туда-сюда на этот серебряный камень, а чувство такое, будто сижу в брюхе у кита.

— Хватит в него тыкать, — сказала Девана с соседнего сиденья, не отрывая взгляда от прозрачной передней перепонки. — Ты его раздражаешь.

— Это корабль, Девана, а не бродячий пёс.

— Он живой. И прямо сейчас старается, чтобы мы не превратились в лепёшку на соснах внизу.

Хабата крякнул и откинулся назад. Сквозь прозрачное окно стремительно поднимался огромный зелёный ковёр западных лесов, перерезанный серебряной петлёй Оки и извилистыми лентами Мокши и Цны. У речных излучин над деревьями поднимались тонкие струйки серого дыма — с этой высоты тоньше нитки, но спутать их было невозможно.

— Напомни мне ещё раз, почему Хурмаста послал нас, а не спустился сам, — сказал Хабата. — Весть от Боолуура дошла до него первым.

— Потому что, если Хурмаста свалится с неба с молниями, мой отец сочтёт это вторжением, — ровно ответила Девана. — А я его дочь. Меня он выслушает.

Хабата покосился на неё.

— Твой отец на прошлой неделе сжёг триста священных дубов и положил в грязь девять из десяти угорских мужиков на Оке. Не похоже, что он настроен поболтать.— Ты его не знаешь.

— Мне хватает того, что знаю.

— Нет, не хватает, — Девана повернула к нему голову. — Он всю жизнь охранял западную границу, где, если не ударишь первым, тебя закопают ещё до первого снега. Каждый пьяный боярин в его стане шепчет ему на ухо, будто восточные степные владыки используют речные племена как лазутчиков. Никто ни разу не вошёл в его шатёр и не сказал ему правду в лицо.

— Угорские роды по Оке и Мокше — лесные охотники и собиратели, — сухо заметил Хабата. — У них даже боевых коней нет. Половина до сих пор костяными наконечниками стреляет.

— А мой отец этого не видит, — Девана чуть приподняла подбородок. — Он видит только чужаков на земле, которую хочет расчистить. Много лет назад Шарагольский Хан дал отцу слово, поручился за эти угорские роды, чтобы Перун оставил их в покое. Теперь отец думает, что Змей Горыныч нарушил клятву и собирает за лесами войско.

Хабата почесал крыло носа.

— И ты думаешь, он просто кивнёт, соберёт своих тяжёлых копейщиков и уйдёт обратно на запад?

— Он накричит, — признала Девана. — Наверняка швырнёт чашу в столб шатра. А потом сядет и выслушает меня. Он упрямый, Хабата, а не мясник.

— Ну да, — бесстрастно сказал Хабата. — А трёхглавый Хан тем временем что должен делать, пока ты чаи с Громовержцем гоняешь? На дудочке играть?

Пальцы Деваны сжались на краю сиденья. Под её пятками пол кабины один раз пульсировал, уловив напряжение, и потемнел на оттенок.

— Хан поручился за угорский народ, — тихо сказала она. — Мне нужно, чтобы он сдержал нрав и не пускал огонь в западные леса, пока я буду вразумлять отца. Как только обе стороны перестанут махать топорами, мы сможем возобновить старое перемирие.

Хабата коротко, недоверчиво фыркнул.

— Слишком долго ты просидела в лунном саду, Девана. Там наверху все делятся водой, разговаривают кругами и никто не берёт нож в общую постель. А здесь внизу люди не бросают топоры только оттого, что их вежливо попросили.

— Значит, самое время кому-то показать, как это делается, — ответила она.

За прозрачным окном жёлтое тело Ви-ви-ща-а один раз свернулось кольцом против встречного ветра, подавая знак перед последним нырком. Голос инопланетного змея загудел прямо у них в черепах — сухой, ровный и совершенно равнодушный к скорости. "Внизу глубокая вода. Задержите дыхание, если хотите, хотя пузырь не лопнет. Держите зубы сжатыми."

— Погоди — что значит «держите зубы»?.. — начал Хабата.

Кабина резко клюнула носом вниз. Перегрузка впечатала их в сиденья так сильно, что челюсти Хабаты клацнули. Тёмная, зеркально-гладкая вода глубокого лесного озера рванулась навстречу, заполнив всё окно, и они вошли в воду. Живые стены прогнулись внутрь, как огромный пузырь, проглотив удар с глухим, мокрым хлопком. Мимо прозрачной перепонки забурлила тёмная, настоянная на торфе вода, подсвеченная поднимающимися дорожками серебряных пузырьков и перепуганными щуками, метнувшимися в водоросли. Несколько секунд они висели в тусклой подводной тишине, плавно покачиваясь в холодной глубине. Снаружи мимо окна проскользил Ви-ви-ща-а, его жёлтая чешуя тускло блеснула в полумраке, прежде чем он подтолкнул корабль вверх, к камышам у восточного берега. Корабль вынырнул на поверхность с мягким всплеском и плавно вошёл в густые заросли пожелтевшего тростника.

Как только корпус коснулся берега, светящиеся стены истончились и разошлись сбоку, словно отдёрнутый занавес, впуская резкий запах осеннего камыша, сырой сосновой хвои и далёкого степного дыма. Хабата моргнул, тряхнул головой, разгоняя звон в ушах, и встал — тут же провалившись по колено в мягкий пол, прежде чем корабль нехотя вытолкнул его сапоги обратно на поверхность.

— Каждый раз, — пробормотал Хабата, шагая на мшистый берег и плотнее запахивая плащ от холодного ветра. — В следующий раз я поеду на лошади или в тарелке лунатиков.

Девана вышла следом на сухую траву и посмотрела на запад, в сторону тёмной стены дубов, над верхушками которых всё ещё висел тонкий серый дым. В тёмной воде за их спинами жёлтая голова Ви-ви-ща-а показалась на поверхности ровно настолько, чтобы мелькнуть раздвоенным языком, и бесшумно ушла обратно в глубину.

— Пошли, — сказала Девана, поправляя лук за плечом. — Ставка Хана сразу за тем гребнем, где деревья уступают место траве.

Глава 4. Запах дыма и вереска

Они поднялись на невысокий травянистый гребень, когда послеполуденное солнце уже клонилось к западной кромке леса. Позади тёмное лесное озеро лежало неподвижно, как полированное железо; впереди волнами серебристого ковыля раскинулась степь, прерываемая деревянными крышами и войлочными юртами стойбища Шарагольского Хана.

Задолго до того, как они дошли до внешних коновязей, ветер переменился и ударил Деване прямо в лицо.Он нёс резкий запах древесного дыма, сухой полыни, расплавленного жира и растёртого горного вереска.Девана встала как вкопанная на самом гребне холма. На Луне всё пахло озоном, чистой водой и каменной пылью — упорядоченно, предсказуемо и стерильно. Здесь внизу воздух был густым, тёплым и живым. Запах дыма и вереска крючком впился прямо под рёбра, разом вернув глухой стук шаманского бубна, грубое переплетение войлока под ладонями и ровный, опасный жар кожи Хана с их последней встречи.

Хабата прошёл мимо неё два шага, прежде чем заметил, что она остановилась. Он обернулся, щурясь от низкого солнца.

— Что-то не так? — спросил он, положив руку на эфес сабли. — Обратно к этой медузе мы точно не вернёмся.

— Всё в порядке, — сказала Девана, заставляя плечи опуститься, и снова двинулась вперёд. — Просто заново привыкаю дышать настоящим воздухом.

Хабата не походил на тяжелобровых западных богов, среди которых выросла Девана, и не носил в себе надменной спеси воевод Перуна. В нём не было тяжеловесной мощи — только чистая, смертоносная скупость движений, линия плеч, будто вычерченная стрелой, взгляд, острый, как охотничий клинок, и лёгкая улыбка, в которой не было ни подобострастия, ни вызова. И в ту же секунду, как они миновали первые срубные избы, все женские головы в стойбище повернулись в его сторону. У деревянного колодца две угорские женщины, тащившие дубовые вёдра, замерли на полушаге. Серебряные подвески тихо звякнули о шерстяные рубахи, когда подруги обменялись долгим, бесстыдным взглядом, оценивая поджарый стан Хабаты, солнечный отблеск в его тёмных волосах и ту лёгкую, точную грацию, с какой он перешагнул через поленницу.

— Надо же, — пробормотала та, что повыше, широкобедрая женщина с толстыми рыжезолотыми косами, уложенными вокруг ушей. — Небесные владыки наконец прислали вниз кого-то, на кого приятно поглядеть. Ты глянь на плечи — ни грамма лишнего жира.

— Осторожнее, Мира, — фыркнула её подруга, толкнув её локтем так сильно, что вода плеснула через край ведра. — Он идёт рядом с дочерью Перуна. У неё до сих пор охотничий лук за спиной висит.

— Пусть хоть два лука носит, — усмехнулась Мира без тени смущения и медленно кивнула Хабате, когда он поравнялся с ними. — Хорошо, что наш Хан не жадничает и делится тенью, когда солнце припекает.

Хабата моргнул, застигнутый врасплох. Наверху, в бронзовых чертогах Хурмасты и в лунном поселении Гэсэра, женщины либо кланялись с чопорной почтительностью, либо спорили об оросительных каналах вежливыми, выверенными голосами. Никто и никогда не разглядывал его сверху донизу, как породистого жеребца на осенней ярмарке. Он откашлялся, внезапно не зная, куда деть руки, и бросил быстрый косой взгляд на Девану — вполглаза ожидая, что та сейчас потянется за стрелой. Девана даже бровью не повела. Она уже видела лица этих женщин раньше, в полумраке стойбища до того, как её забрали на Луну, и узнала это упрямое, бесстрашное тепло в их глазах. Рядом с ней её муж выглядел как молодой ястреб, который с разлёту влетел в стаю смелых, хохочущих кур и напрочь забыл, как махать крыльями.

— Закрой рот, Хабата, — пробормотала Девана уголком губ, не сбиваясь с шага. — Ты вообще-то посланник верхних сфер, а не заблудившийся пастух.

— Я и не пялился, — буркнул в ответ Хабата, хотя кончики его ушей слегка порозовели. — Очень уж они тут... прямые у вас внизу.

— Они за две последние луны похоронили девять из десяти своих мужчин, — тихо сказала она. — Когда смерть сидит на плетне у твоего порога, времени на вежливую ложь не остаётся.

Не успел Хабата ответить, как со стороны центральной юрты донёсся знакомый сухой смешок. Из-за штабеля выделанных шкур выковылял старый Боолуур; его лоскутная доха волочилась по пыли, а железные колокольчики на груди позвякивали невпопад. Следом за ним откинулся войлочный полог главной юрты, и в послеполуденный свет вышел Шарагольский Хан. В своём простом тёмном халате, с проседью в косах и вертикальными зрачками, медленно проворачивающимися в янтарных глазах, Хан казался меньше, чем положено быть дракону, но в тот миг, как он ступил во двор, всё стойбище словно чуть накренилось в его сторону.

— Так-так, — прохрипел Боолуур, щурясь снизу вверх на Хабату и переводя острый взгляд на Девану. — Хурмаста всё-таки услышал. Правда, я просил подкрепление, а он прислал молодожёнов на загородную прогулку.

— Мы не на прогулку пришли, шаман, — Хабата вернул себе равновесие и коротко, по-воински кивнул Хану. — Хурмаста хочет знать, насколько близко Перун подошел к излучине реки.

— Достаточно близко, чтобы мы чуяли их коней, когда ветер тянет с запада, — ответил Хан. Его двойной голос низко загудел в послеполуденном воздухе, заставив серебряные монеты в косах ближайшей женщины едва слышно задрожать.

Затем янтарные глаза Хана остановились на Деване. Он не поклонился, он просто смотрел на неё, охватывая взглядом её отороченную мехом тунику, лук за плечом и лёгкий румянец на скулах, не имевший ничего общего с осенним ветром.

— Ты вернулась, — негромко сказал Хан, и тяжёлый гул в его голосе смягчился ровно настолько, чтобы слышать могла только она. — Луна всё-таки не выморозила из тебя кровь.

Девана прямо встретила его взгляд, чувствуя, как под рёбрами снова поднимается то знакомое, опасное тепло — тот самый жар, о котором предупреждал отец, говоря, что его невозможно будет забыть.

— Я вернулась, потому что мой отец совершает ошибку, — вслух произнесла Девана, удерживая голос ровным. — И прежде чем я поскачу на запад, чтобы остановить его, нам с тобой нужно поговорить. Наедине.

По двору несколько угорских жён переглянулись со знающими улыбками и тихо вернулись к своим делам. Хабата перевёл взгляд с Деваны на Шарагольского Хана, слегка нахмурился и почесал затылок — впервые сообразив, что в той игре, которая ведётся на этой границе, ему известна только половина правил.

Глава 5. «Я не буду ждать третьей встречи»

Спальня Хана теперь находились не в шатре, в том самом, куда несколько месяцев назад Девана прокралась в темноте, прикрыв лицо тонким, почти прозрачным платком, а в самой большой бревенчатой избе в глубине стойбища .

Она остановилась у самой тяжёлой деревянной двери, когда Хан задвинул за ними засов. Снаружи Боолуур уже увёл Хабату к конским загонам осматривать пограничных дозорных, и двор затих, если не считать далёкого позвякивания серебряных подвесок у колодца или где-то еще. Воздух внутри пах точно так же, как она помнила: сухим древесным дымом, растёртым горным вереском, тёплыми шкурами и густым, дурманящим запахом кожи Змея Горыныча. В каменном очаге горел неяркий огонь, отбрасывая длинные тени на широкий помост, застеленный волчьими и овечьими шкурами. Хан неторопливо подошёл к очагу, налил две деревянные чаши тёмного ягодного вина и обернулся не сразу.

— Ты привезла с неба сына Хурмасты, — произнёс Хан, и его двойной голос мягко загудел от бревенчатых стен. — Хабата Гэрэла. Бога, прекрасного, словно вычерченная стрела, точно как и обещал твой отец. И всё же ты просишь поговорить с тобой за закрытой дверью.

— Хабата знает, что мы пришли остановить войну, — ответила Девана, оставаясь у двери. Пульс уже бился в висках быстрее, откликаясь на знакомую, тяжёлую тишину, исходящей от Хана. Войска моего отца идут на Оку.

Тогда Хан повернулся, протягивая ей чашу. В тусклом свете очага вертикальные щели в его янтарных глазах расширились, вбирая её лицо без тени удивления. Уголков губ коснулась едва заметная, знающая усмешка.

— Вот как, — пробормотал он. — Скажи-ка мне, маленькая охотница: ты всё ещё носишь в кармане тот тонкий платок? Тот самый, в котором стояла в прошлый раз?

Жар мгновенно прилил к шее и щекам Деваны. Она не забыла ни единой секунды той безлунной ночи. Помнила, как проскользнула внутрь среди тридцати восьми жён, думая, что лоскут полупрозрачной ткани способен скрыть богиню; помнила медленный, неумолимый ритм горницы, то, как она потеряла себя в общем потоке дыхания и желания, пока платок не сполз с её лица — и его голос не пригвоздил её к месту: "Остановись, Девана. Я возьму тебя только с третьего раза, когда ты уже не сможешь сопротивляться страсти. А сейчас иди. И помни: ты богиня и невеста бога."

Она помнила, как выскочила тогда в ночь голой и растрёпанной, как оттирала кожу у ледяного ручья, словно пытаясь смыть с себя его волю, пока старый Боолуур следил за ней из тени деревьев.

— Я выбросила тот платок, — сказала Девана, и её голос упал ниже, растеряв дипломатическую натянутость. — И мне надоело бегать к ручью, чтобы смывать с кожи твой голос.

Хан поставил обе чаши на деревянную полку у очага. Сделал один неторопливый шаг навстречу, оставив между ними достаточно места, точно как в ту ночь — не протягивая рук, не принуждая, позволяя самой тяжести его присутствия делать своё дело.

— Ты вышла замуж за Хабату, — тихо сказал Хан, глядя ей в глаза. — Теперь ты жена бога, Девана. И по моему счёту, ты переступила мой порог только во второй раз. Ты торопишься.

— Я больше не прячусь за тряпкой, — ответила она. — И я не буду ждать третьей встречи.

Она расстегнула отороченный мехом плащ и позволила ему соскользнуть на половицы. На Луне, среди людей маленькой колонии, где царила свобода отношений, она поняла, что желание — не пятно, которое нужно отмывать холодной водой, и не цепь, выкованная отцов-

скими запретами. Отец запрещал ей прикасаться к мангуту, предупреждая, что эту связь потом невозможно будет забыть. Он оказался прав — она не забыла её ни на один день среди звёзд. Девана шагнула через полутёмную горницу прямо в стену ровного, древнего жара, исходившего от груди Хана, и положила ладони плашмя на его тёмный халат.

— Ты велел ждать, пока я не смогу с этим бороться, — сказала она, вскинув подбородок и встречая его янтарный взгляд. — Я не борюсь.

Низкий, вибрирующий гул отозвался глубоко в груди Хана, пройдя прямо сквозь её ладони под самые рёбра. Его крупные, покрытые шрамами руки поднялись — тёплые, как нагретые солнцем речные камни — и легко легли ей на талию, всё ещё оставляя удар сердца на то, чтобы отступить, если она передумает. Она не отступила. Она подалась ближе. В прошлый раз, в тесной горнице среди тридцати восьми женщин, Хан почти не касался её напрямую — он просто вёл всё пространство, заставляя каждый вздох, каждый шёпот и каждое медленное движение тел течь от его воли, пока её не подхватило этим потоком. Сегодня толпы, за которой можно было бы спрятаться, не было. Сегодня этот же гипнотический, неотвратимый ритм шёл напрямую от него к ней одной. Когда его губы накрыли её рот, в этом не было ни неуклюжей спешки, ни нужды покорять. На вкус он был как дым, лесные ягоды и глубокая земля. Вместо того чтобы брать силой, он втянул её в тот самый медленный, неторопливый такт — подстраиваясь под её дыхание, давая жару собраться внизу живота и разлиться по всему телу, пока мысли не растворились в чистом ощущении.

Его пальцы с привычной лёгкостью распустили завязки её туники, сдвигая грубую шерсть с плеч. Всюду, куда ложились его ладони — вдоль позвоночника, по изгибу рёбер, по бёдрам — глубокое тепло уходило прямо под кожу, пробуждая нервы, которых не коснулись ни полгода стерильного лунного воздуха, ни скованный, почтительный долг Хабаты.Они вместе опустились на толстый ворох волчьих и овечьих шкур у очага. Здесь не было торопливой борьбы, не было молчаливого терпения. Хан вёл её с той же терпеливой, подавляющей уверенностью, с какой держал восточный рубеж — отвечая на каждую дрожь её пальцев более глубокой, медленной волной жара, удерживая её целиком, пока бревенчатые стены не начали пульсировать в такт их дыханию.

Когда волна наконец накрыла её с головой, Девана уткнулась лицом в изгиб его шеи — прямо туда, где мелкая тёмная чешуя сходилась с тёплой человеческой кожей — и выдохнула сбивчиво, беззащитно, впервые по-настоящему почувствовав землю под собой.

Потом они долго лежали, запутавшись в тёплых шкурах, пока можжевеловые поленья тихо потрескивали в каменном очаге. Тяжёлая рука Хана покоилась на её талии, большой палец чертил медленный, рассеянный круг у неё на бедре.

— Твой отец учует в твоих волосах дым и вереск, — тихо пророкотал Хан в полумрак, и сухое веселье согрело его двойной голос. — И сразу поймёт, что ты нарушила его самый старый запрет.

— Пусть, — пробормотала Девана, прижавшись щекой к его груди и слушая медленный, мощный стук его сердца. — Я спустилась с Луны не для того, чтобы быть его послушной дочкой. Я пришла остановить бойню.

Хан вздохнул тёплым порывом воздуха, шевельнувшим выбившиеся пряди её волос.

— Перун не слушает доводов, когда чует кровь, Девана. Особенно от собственной плоти.

— Придётся, — упрямо сказала она, приподнимаясь на локте, чтобы посмотреть на него сверху вниз. — Ты поручился за угорские роды по Оке. Если ты дашь мне слово прямо сейчас, что удержишь огонь и останешься к востоку от реки, пока я поеду в его стан, я смогу доказать ему, что Восток не идёт на него войной.

Хан посмотрел на неё снизу вверх; вертикальные щели в его янтарных глазах задумчиво сузились, взвешивая цену такого решения. Он знал железную гордыню Перуна лучше, чем она;

знал, что Громовержец редко гнётся, не ломаясь. И всё же, глядя на упрямый, яростный свет в её глазах, он не решился разбить её надежду.

— Даю слово, — просто сказал Хан. — Ни один драконий огонь не перейдёт Оку, пока ты в стане отца. Мы с Боолууром удержим западный гребень и будем ждать твоего знака.

Девана улыбнулась — светлой, настоящей улыбкой, сделавшей её моложе — и наклонилась, чтобы ещё раз коснуться губами его скулы.

— Спасибо, — прошептала она. — На рассвете я пойду.

— Возьми быстрого коня, — пробормотал Хан, натягивая тяжёлую волчью шкуру на её обнажённые плечи. — И не поворачивайся спиной к отцовским волхвам.

Глава 6. Тайна тридцати восьми жен

Пока за спиной Деваны у избы Хана щёлкал тяжёлый засов, старый Боолуур зацепил кривым большим пальцем за пояс и кивнул в дальний край стойбища, где над широким общим костром густо висел запах жареной оленины и кабанятины.— Пойдём-ка, Небесный Владыка, — прохрипел шаман, волоча по сухой траве свою лоскутную доху.

— У твоей жены государственное дело с Ханом. Нечего торчать посреди двора, как запасной тын.Хабата раз взглянул на закрытую бревенчатую дверь, почесал скулу и пошёл следом за стариком. Он не злился, ревность в лунном поселении не водилась, там люди делили постель и кров без заборов и права собственности, но его не отпускало странное чувство, что здесь внизу всё работает на каком-то более древнем, горячем топливе, чем наверху, на серебряном камне.Вокруг центрального костра вечерняя жизнь стойбища кипела вовсю. Тридцать восемь угорских женщин — жёны Хана, одни поджарые и обветренные, как матёрые охотники, другие помоложе, с яркими серебряными монетами в толстых тёмных или рыже-золотых косах, разливали по деревянным мискам наваристую похлёбку из дичи, чинили кожаные сапоги и перебрасывались через пламя громкими, острыми шутками.

Вокруг центрального костра вечерняя жизнь стойбища кипела вовсю. Тридцать восемь угорских женщин — жёны Хана, одни поджарые и обветренные, как матёрые охотники, другие помоложе, с яркими серебряными монетами в толстых тёмных или рыже-золотых косах, разливали по деревянным мискам наваристую похлёбку из дичи, чинили кожаные сапоги и перебрасывались через пламя громкими, острыми шутками.

У самого края отсвета костра полдюжины ребятишек возились из-за резного деревянного конька. Один из мальчишек, не старше четырёх лет, кувыркнулся на спину в траву, задрал пятки в воздух и расхохотался и в спутанных каштановых кудрях мелькнули два крошечных, покрытых бархатным пушком рожка.Хабата замер на полушаге, моргнув.

— Не ожидал такого, а? — хихикнул Боолуур, явно наслаждаясь видом растерянного молодого бога.

— Это не от Хана, — медленно произнёс Хабата, глядя, как другая девчушка с точно такими же бархатными бугорками на лбу выхватила деревянного конька и рванула к ближайшей избе. — У мангута чешуя, а не козлиные рожки.

— Глазастый для небесного, — крякнул шаман, опускаясь на бревно у костра и махая костлявой рукой проходившей мимо девушке, чтобы подала миску похлёбки.

— Это от племянника Хана. Упрямый, горячий чёрт — наполовину степной бес, наполовину земной крови. Тётка его, Енгорбой, в глухих оврагах вырастила.

— Так Хан делит своих жён с племянником? — спросил Хабата, присаживаясь на бревно рядом с шаманом.

— Делит? — Мира, та самая высокая рыже-золотая женщина от колодца, подошла и протянула Хабате дымящуюся деревянную миску с олениной и ломоть тёмной лепёшки. Она упёрла руки в широкие бёдра и ухмыльнулась ему сверху вниз. — Нами никто не владеет, чтобы нас делить, красавчик. Мы жёны Хана по своей воле. Здесь у нас тёплые крыши, сытое брюхо с охоты, крепкие руки, чтобы беречь наших детей и двое мужчин, которые умеют обращаться с женщиной не как с мешком репы, - сказала, подмигнув при этом Боолууру.

Хабата принял миску, чувствуя, как тепло проникает в ладони.

— И никто не ссорится? Тридцать восемь жён под одной крышей, и ни разу за косы друг друга не таскали?Мира залилась густым, звонким смехом, от которого несколько женщин по ту сторону костра обернулись и заулыбались.

— Из-за чего ссориться-то? — спросила она, опускаясь на бревно вплотную к Хабате так близко, что её шерстяной рукав задел его руку, и на него накатил запах древесного дыма, хвои и тёплой кожи. — Когда живёшь на краю глухого леса, а за плетнём смерть принюхивается, дыхание на пустую злобу не тратишь. Если одна из нас устала, другая присмотрит за её детьми. Если Хан ушёл в дозор на границу, племянник греет постели. А уж когда оба в отъезде, шаман здесь — ...Мира склонила голову набок, и её тёмные глаза блеснули в свете огня, когда она смерила его с ног до головы откровенным, неторопливым взглядом.— ...ну, так если ...тогда приходится обходиться тем красивым чужаком, что свалился из облаков.

Хабата едва не поперхнулся похлёбкой. Напротив, у костра, молодая женщина с серебряными кольцами в косах расхохоталась в голос и крикнула:

— Отстань от него, Мира! Напугаешь его, улетит обратно на Луну, он и лепёшку доесть не успеет!

— По мне так он не напуган, — плавно возразила Мира, легонько толкнув колено Хабаты своим. — Просто зажат. Как лук, который слишком долго держали натянутым.

Боолуур фыркнул в свою миску, тихо звякнув железными колокольчиками.

— Не обращай внимания, Хабата. У вас на Луне о свободе говорят так, будто это закон, выбитый на бронзовой доске. А здесь внизу так просто зиму переживают.

Хабата обвёл взглядом костёр — обветренные руки с деревянными ложками, охотничьи луки, аккуратно прислонённые у каждой двери, и рогатых малышей, уже сворачивающихся спать на толстых овчинах безо всякой тревоги. На Луне всё было чистым, разумным и вежливым и оттого каким-то полусонным. Здесь, среди грязи, дыма и тридцати восьми женщин, которые смеялись так же легко, как точили ножи, воздух казался густым, хоть ножом режь.

— А где сегодня этот племянник Хана? — спросил Хабата, пытаясь перевести разговор в более безопасное русло, пока Мира не подвинулась ещё ближе.

— В объезде на западном гребне, — ответила Мира, не теряя своей лёгкой улыбки. — Проверяет, как далеко до темноты продвинулись лесорубы Перуна. Он чужаков не жалует, особенно тех, что с неба. Предупреждаю по-доброму, Небесный Владыка: он у нас ревнивый. Наших порядков понимает куда хуже Хана.

— Ревнивый чёрт в стойбище с тридцатью восемью жёнами, — сухо пробормотал Хабата. — Звучит как очень спокойное соседство.

— При Хане он держит себя в руках, — сказал Боолуур, вытирая рот тыльной стороной рукава. — А когда начинает слишком громко рычать, бабы напоминают ему, кто шьёт ему зимние сапоги.

В этот миг через двор скрипнула тяжёлая деревянная дверь ханской избы. В прохладный вечерний воздух вышла Девана. Отороченный мехом плащ был аккуратно застёгнут у горла, лук снова висел за плечом, лицо оставалось совершенно спокойным и всё же даже за двадцать шагов Хабата уловил безошибочный запах дыма из каменного очага и растёртого горного вереска в её волосах и заметил лёгкий, расслабленный румянец на скулах, которого час назад не было.

Она подошла прямо к костру, встретила взгляд Хабаты без тени вины или колебаний и села по другую его сторону.

— Ну? — тихо спросил Хабата, удерживая голос так, чтобы слышала только она. — Добилась перемирия?

— Хан дал слово, — ответила Девана, протягивая руку и отламывая кусок его лепёшки. — Ни один драконий огонь не перейдёт Оку, пока я в стане отца. На рассвете я скачу на запад одна. Ты остаёшься здесь.Хабата замер с деревянной ложкой на полпути ко рту.— Остаюсь здесь? Один? Девана, если Перун выйдет из себя...

— Если я въеду в его лагерь с небесным богом под боком, он схватится за молот раньше, чем я рот открою, — твёрдо сказала Девана. — Я поеду одна, как его дочь. А ты останешься

в стойбище, присмотришь за западным гребнем и проследишь, чтобы перемирие держалось с этой стороны.

Хабата глянул на костёр, затем через пламя на Миру, которая ловила каждое слово и уже улыбалась, как кошка, обнаружившая незапертый погреб со сливками.

— Ладно, — пробормотал Хабата, отдавая Деване остаток лепёшки. — Присмотреть за западным гребнем. Звучит несложно.

Рядом с ним Мира наклонилась ровно настолько, чтобы её рыже-золотая коса коснулась его плеча, и прошептала так, чтобы слышал только он:

— Не переживай, Небесный Владыка. Пока твоя жена беседует с Громовержцем, мы позаботимся, чтобы тебе не было скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.